

На правах рукописи

Агафонова Елена Васильевна

**ПЕРСПЕКТИВЫ СУБЪЕКТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
НАРРАТИВНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ**

09. 00. 01 — онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск — 2005

Работа выполнена на кафедре онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Сыров Василий Николаевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Красиков Владимир Иванович

кандидат философских наук, доцент
Осаченко Юлия Станиславовна

Ведущая организация: Омский государственный
педагогический университет

Защита состоится 22 ноября 2005 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.01 при Томском государственном университете по адресу: 634050, г.Томск, пр. Ленина, 36, корпус № 4, ауд. 306.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «21» октября 2005г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

О.Г. Мазаева

Введение

Актуальность темы исследования:

Утверждение «смерти субъекта» как общее определение кризиса личностного начала стало довольно популярным в западной литературе XX века. Эта тема явилась общим топосом в философии, эстетике, литературной критике, в учениях структурализма, постструктурализма и постмодернизма в целом, в рамках которых и получила различные наименования, а именно «теория антигуманизма», «деперсонализации», «децентрации» субъекта, «смерть автора», «растворение характера в романе», «кризис индивидуальности» и т.д. Идеи прерывности и децентрации субъекта также получили широкое распространение в психологии, лингвистике, социальной антропологии. Но, выступив с критикой субъекта, и выдвинув концепцию теоретического отрицания целостного, автономного, суверенного Субъекта, современная мысль тут же столкнулась с другой проблемой, связанной с необходимостью установить *что* или *кто* приходит ему на смену.

Принимая сложившееся на сегодня представление о том, что основные положения постмодерна представляют собой только критические, пессимистические и даже апокалиптические формулировки, против них действительно можно выдвинуть справедливые обвинения со стороны политических и социальных теорий, требующих субъекта в качестве своего обоснования. Оппоненты и критики постмодернизма придерживаются мнения, что мы должны возвратиться к идее автономности субъекта как необходимому условию размышлений об этике, политике, деятельности и ответственности. Кроме того, именно данная идея становится необходимым компонентом в разработке альтернативных путей размышления о сущности и предназначении власти и насилия. В силу указанных причин выбранная тема приобретает не только теоретическое, но и мировоззренческое значение, поскольку оказывается напрямую связанной с оценкой состояния современного общества и культуры, а также с осмыслением места и роли индивида в этом обществе.

Тем самым главным основанием для утверждения актуальности работы можно считать следующие положения:

1. Критика классического определения субъекта и традиционной тематизации его места и роли в обществе.
2. Очевидность того факта, что тезис о «смерти субъекта» не снимает вопроса о самом субъекте и не является решением проблемы субъективности.
3. Отсутствие определенности в оценке статуса и функций субъективности в неклассических версиях философии, поскольку в общей программе теоретиков структурализма и постструктурализма главной целью было, показать детерминированность сознания социальными и языковыми стереотипами. При этом сама степень детерминированности и ее природа различными исследователями продолжает трактоваться по-разному. Не существует также согласия и однозначной позиции в вопросе о новом статусе субъекта. Проблема свободы и творческой деятельности субъекта в доктрине постструктурализма была заявлена, но до конца не разработана.

Одним из направлений в решении проблемы субъективности можно считать новейшие исследования в области нарратологии. Именно здесь наиболее четко были сформулированы концепции идентичности, помещающие индивида в контекст социума, а также представлен перечень повествовательных инстанций как возможных моделей субъективности, их модификации и трансформации. Более того, в контексте повышенного интереса к исследованию нарратива в самых различных дисциплинах, представляется приоритетным обращение к опыту литературы, которая предстает сегодня привилегированным способом передачи повествовательных сообщений. На основе последних достижений лингвистики литература стала восприниматься как специфическое средство для создания моделей освоения мира, а также моделей, предоставляемых в качестве примера для руководства действиями. И потому, в рамках общих теоретических утверждений о текстуальности и нарративности форм культуры, имеет смысл обратиться к структурному анализу литературных произведений в поиске новых репрезентативных моделей субъективности.

Исходной точкой исследования в этой области является тезис постмодерна о том, что мир есть текст, и нет ничего внешнего тексту, и этим утверждением открывается тот факт, что объекты, с которыми человек имеет дело, являются его собственной продукцией. Тогда по отношению к ним возможно проявление активности и свободы. Но с другой стороны, уже утвержденная идея «смерти субъекта» вынуждает трактовать его активность как простую функцию работы нарративно-анонимных социальных моделей, а самого субъекта как фикцию в поле текстуальных кодов и структур. Это приходит в

противоречие как с идеологией и практикой современного общества, провозглашающего ценность свободы, так и с теоретическим и мировоззренческим пафосом самих постмодернистов.

В результате ведущая теоретическая мысль оказывается в тупике: с одной стороны, такие качественные характеристики субъекта как деятельность и эмансипация необходимы для того, чтобы адекватно сформулировать методы значимой социальной и политической задачи преобразования и сохранить возможность сопротивления власти. Но, с другой стороны, появляется искушение вновь заранее принять субъекта как необходимое и изначальное условие сохранения этой деятельности.

Все это дает повод для более тщательного осмысления и анализа проблем, связанных с тематикой субъективности и местом субъекта в современных теориях.

Степень теоретической разработанности темы:

Для целей настоящего исследования определяющее значение в выявлении характера детерминированности поведения человека и его сознания имели работы З. Фрейда, Ж. Лакана, М. Фуко, Ю. Кристевой. Особую важность имела их интерпретация роли Другого как условия формирования самости. Новый взгляд на субъекта и его психику дал основание для определения его идентичности как явления внутренне противоречивого и неоднозначного. В социальном контексте проблема субъективности раскрывается, основываясь на работах Ю. Хабермаса, Г. Маркузе, В. Беньямина, М. Маклюэна, С. Жижека. Положение о том, что индивид постоянно и, главным образом, бессознательно обуславливается в процессе своего мышления языковыми структурами, детерминирующими его мыслительные структуры, прослеживается в работе, опираясь на лингвистическую традицию теории субъективности, в частности, на исследования Э. Бенвениста и Ж. Лакана. В целом, критика западного образа мышления с его «логоцентрической» традицией представлена на основе работ Ж. Деррида. Он первым почувствовал угрозу истощения негативного потенциала постструктуралистской доктрины и приступил к корректировке своих изначальных постулатов.

Понятие нарратива в современной нарратологии чаще всего описывается моделями, созданными для формального анализа повествовательных текстов, такими, как схема сюжета и фабулы русского формализма, риторика трансформаций повествовательной «фразы» Ж. Женетта или теория сюжетных функций В. Проппа, К. Бремона, А. Греймаса, Р. Барта. Все эти модели опираются преимущественно на литературный, фольклорный, массово-культурный материал, то есть на заведомо условные или вымышленные истории и принадлежат области поэтики в структуралистской традиции. Помимо традиции литературоведения существуют и другие дисциплины, где понятие нарратив играет не последнюю роль, и в которых данный концепт отсылает скорее к идеологически ответственному повествованию, претендующему на истинность или «историческую правду». Привилегированным материалом для его изучения по преимуществу оказывается историография — главный конкурент художественной словесности в использовании повествовательного дискурса. И в этом случае разумнее опираться на работы авторов, осуществляющих нарратологическую критику исторического сознания: Л. Минк, Н. Фрай, А. Данто, Х. Уайт, Ф.Р. Анкерсмит.

Для прояснения новейших исследований в области социального конструктивизма, посвященных определению идентичности как нарративного конструкта, привлекались концепции таких исследователей как А. Макинтайр, Дж. Брюнер, Б. Слуготский, Дж. Гинзбург, К. Мэррей, Т.Р. Сарбин, Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен, Дж. Поттер и М. Уэзрел, а также многих других авторов.

Выявление общей формальной структуры повествования проводилось на основании теоретических разработок русского формализма в лице В.Б. Шкловского, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, В. Проппа, французских структуралистов Ц. Тодорова, А.М. Греймаса, Р. Барта, Ж. Женетта. Требование трактовать нарративы не как репрезентацию реальности, но как способ конструирования и создания самой этой реальности достаточно четко сформулировано американскими нарратологами И. Брокмейером и Р. Харре.

Для описания социума в терминах нарратологии плохо подходят модели, созданные для формального анализа повествовательных текстов, такие, как опоязовская схема сюжета и фабулы. Зато очень полезной может оказаться восходящая к В. Проппу, К. Бремону, Ц. Тодорову типология действующих лиц, формализованная в актантной схеме А.-Ж. Греймаса и теория трансформации актантов Ю. Кристевой.

Немаловажную роль в фиксации и экспликации нарративных инстанций, их индициональных знаков, а также в определении коммуникативного уровня произведения сыграли работы М. Яна, Дж. Принса, С. Чэтмена, Ш. Римон-Кенан, У. Бута, М. Бал, Ж. Женнета. Опора на исследования в области поэтики, дает основания определить субъективность как модель, инстанцию, принадлежащую тексту и им сконструированную. Противоположной точки зрения придерживаются Р. Ингарден и рецептивная эстетика Констанцской школы – В. Изер и Х. Р. Яусс, которые предлагают сосредоточить внимание на индивидуальном акте чтения, исследовать читательский отклик и создать теорию читательской реакции (С. Фиш и У. Эко). Здесь читатель наделяется статусом идеального или образцового реципиента,

всеведующего (по аналогии с автором) читателя-критика, что способствует возвращению к традиционным категориям определения метафизического субъекта.

Это обстоятельство делает необходимым внесение некоторых корректив в концепты чтения, коммуникации и в само понятие нарратива как идеологической структуры. Для данной цели оказались значимыми «принцип диалогичности» М. Бахтина и его понятие «амбивалентности» письма, концепт «интертекстуальности» Ю. Кристевой, понятие «перформативной субъективности», введенное Дж. Батлер и заимствованное ей у Дж. Л. Остина, Ж. Деррида и П. де Мана. Коррекция и переосмысление таких понятий как «власть», «насилие», «субординация» и «субъективация» в данной диссертации основывались на исследованиях Л. Альтюссера, М. Фуко, Ж. Деррида, Э. Лакло, Дж. Батлер. Также немаловажное значение для определения новых политик сопротивления имели работы, посвященные гендерному исследованию в области феминистских и постфеминистских политик. Среди них работы Л. Иригаре, Р. Брайдотти, М. Нуссбаум, Дж. Батлер, Дж. Феттерли и др.

Проблема исследования:

Исходя из приведенных выше рассуждений о новых дефинициях субъекта и дифференциации его моделей, проблему исследования можно сформулировать следующим образом:

- как возможен сегодня позитивный дискурс о субъекте, если мы, с одной стороны, отказались от определения его как целостной автономной субстанции, а, с другой стороны, не удовлетворены предлагаемой современными теориями трактовкой множественности форм его проявления как пустых знаков пустой субъективности?

Цель и задачи исследования:

Цель исследования состоит в обнаружении в структуре нарративно представленных социокультурных отношений таких условий, которые делают возможным появление нового субъекта, и способов, посредством которых могут проявиться формы его свободной деятельности.

Для достижения поставленной цели требуется осуществить следующие задачи:

1. Эксплицировать общую структуру нарративного дискурса, и показать, как такая структура проявляет себя на уровне общественного устройства и раскрывается в оформлении социальных связей.

2. Актуализировать проблему репрезентационной способности нарратива для обсуждения и решения вопроса о «реальности» как референте нарративного повествования.

3. Показать, что сама возможность «Я-идентичности» как составного элемента социальной жизни неразрывно связана с нарративно-дискурсивными практиками, используемыми индивидами для придания смысла своим и чужим действиям и поступкам.

4. Выявить возможные формы проявления субъективности посредством анализа повествовательных инстанций, представленных в нарративе фигурами персонажей (на уровне содержания текста), автора и нарратора, читателя и наррататора (на коммуникативном уровне наррации), и определения их места и роли в повествовании.

5. Определить степень проявления свободы в работе нарративных инстанций, в зависимости от занимаемых ими позиций в нарративной структуре и применить полученные результаты к сфере социальной реальности, чтобы выяснить как возможно воплощение принципов свободы и творчества внутри нарративно представленного социума.

6. Определить ситуацию, в которой обнаруживается возможность появления деятельностного творческого субъекта в структуре нарратива, и зафиксировать основные свойства, которые раскрывают новую позицию такого субъекта.

Теоретико-методологические основания исследования:

Диссертационное исследование в своей теоретической основе опирается на установки, подходы и методы, разработанные в структурализме, нарратологии, современной теории литературы, а также на основные постулаты постструктурализма и постмодерна в целом. Структурно-семиотическое и герменевтическое направления представляются важными для выбранной темы, поскольку формулируют основные концепции повествования и задают стратегии интерпретации текста. Тем не менее, сопоставление герменевтики и поэтики, определяет выбор в пользу структурного подхода к тексту как наиболее подходящего для целей данного исследования. Нарратология, исходя из достижения в области поэтики, предоставляет возможные модели идентичности и тем самым задает характеристики новых форм субъективности.

Тезисы постмодерна о текстуальности форм культуры и утверждение в связи с этим «смерти субъекта» явились методологическим катализатором в разработке новых подходов к анализу текстуальной природы общества и теоретической предпосылкой для обращения к положениям современных теорий с целью возможного переосмысления базовых понятий, их структурной перестановки и смещения

акцентируемых позиций. Эти процедуры требуют использования метода конструирования, структурного анализа и деконструкции.

Поскольку диссертация рассматривает круг вопросов, имеющих междисциплинарный характер, и базируется на анализе текстов различной направленности – литературная теория, историография, социальная философия – то используется также историко-сравнительный метод. Кроме того, к области социального исследования применяются методы, разработанные в лингвистике, структурализме и нарратологии. Специфика такого применения состоит не в автоматическом заимствовании методов, а в своеобразном перенесении на почву социального пространства уже разработанных моделей и исследовательских процедур с учетом их возможной трансформации.

Основные результаты исследования и его научная новизна:

1. Обосновывается положение, что социальная идентичность, обретаемая посредством формирования жизненной истории, и социальная структура в целом, могут быть продуктивно представлены в виде нарративно организованных текстуальных конструкций.

2. Утверждается, что нарративно представленную социальную структуру следует трактовать как объективно нестабильную и имеющую тенденцию к нарушению собственной целостности и закрытости, а значит открывающую перспективы для ее трансформации.

3. Установлено, что «смерть субъекта», раскрывающая нарративную сконструированность субъекта, является одновременно условием порождения новой формы субъективности, появляющейся в тексте в результате перформативного акта чтения.

4. Показано, что читатель – это единственная инстанция, способная осуществлять трансформацию и переописание нарративной структуры и выступить тем самым в качестве альтернативного проекта субъективности.

5. Утверждается, что суть новой субъективности состоит в изменении характера чтения текста, воплощающего такую практику сопротивления его власти, которая более не претендует на гегемонию и установление новой власти, но представляет собой протест в форме активного не-сопротивления.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования:

Результаты исследования данной диссертационной работы могут быть использованы в различных отраслях философского знания. Их можно применить для прояснения фундаментально-онтологических и гносеологических предпосылок философского знания, затрагивающих проблематику субъекта и специфику его бытия. Тем самым, полученные в работе выводы могут способствовать уточнению концептуального каркаса гуманитарных дисциплин, углублению философского рассмотрения литературы, истории и социальной реальности, переосмыслению роли субъективности в теоретическом контексте и социальной практике.

Результаты исследования могут быть также использованы при подготовке учебных программ, затрагивающих тематику структурализма, постструктурализма, теории литературы, философии истории и социальной философии, а также применены при разработке курсов, посвященных философским проблемам субъективности.

Апробация работы:

Основные концептуальные положения данного исследования обсуждались на теоретических семинарах аспирантов философского факультета Томского государственного университета. Отдельные аспекты и тематические мотивы работы нашли отражения в статьях и были представлены на всероссийских конференциях: «Образ человека в картине мира» (г. Новосибирск, 2003г.), «Философия и филология в современном культурном пространстве: проблемы междисциплинарного синтеза» (г. Томск, 2003г.); а также на международных научных конференциях: «Межкультурные коммуникации как фактор открытости региональной культуры» (г. Томск, 2004г.), «Бытие и язык» (г. Новосибирск, 2004г.).

Основные идеи работы послужили материалом для исследовательских проектов: «Структура, статус и функции нарратива в социальном познании (нарратив как фундаментальный способ человеческого бытия и познания)» при поддержке РФФИ № 03-06-80361 (соисполнитель; руководитель проекта Сыров В.Н.); «Нарративная структура бытия: идентичность и новые горизонты субъективности» при поддержке МО № А03-1.1-323; «Модели репрезентации субъективности в нарративной структуре реальности», РФФИ № 05-06-80425.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, раскрывается степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи исследования, определяются его

методологические основания, новизна и научно-теоретическая и практическая значимость, дается характеристика структуры работы.

В главе 1. – «К проблеме онтологического статуса нарратива» – проводится последовательный анализ повествования как такового, эксплицируются его основные характеристики и структурные составляющие; определяется, что выделенные элементы и свойства повествовательной структуры не просто придают нарративный облик культурной и социальной реальности, но раскрывают ее внутреннее устройство. Таким образом, в первой главе обосновывается нарративное устройство человеческого бытия и тем самым утверждается, что, определяя позицию субъекта, нет необходимости выходить за рамки нарративно организованного социо-культурного пространства.

В параграфе 1.1. – «Тематизация «смерти субъекта» в современных философских учениях и переход к нарративной проблематике» – предпринят анализ концепции «смерти субъекта», с целью сохранить то позитивное, что в ней содержится. Потому, автор работы исходит из того, что сама критика классического субъекта была направлена против представления о своевольном, своевластном, авторитарном индивиде просветительской, романтической и позитивистской традиции, в которой игнорировались реальная зависимость человека от социальных условий его существования.

Далее в работе фиксируются этапы развития концепции языкового сознания – отождествление его уже не с устной речью, а с письменным текстом как единственным возможным средством его фиксации более или менее достоверным способом. Подчеркивается, что спецификой новейшей постмодернистской трактовки языкового сознания становится уже не столько его текстуализация, сколько нарративизация, то есть способность человека описывать себя и свой жизненный опыт в виде связанного повествования, выстроенного по законам жанровой организации художественного текста.

В параграфе 1.2. – «Экспликация структурной логики повествования на примере нарративного дискурса истории» – подтверждается обоснованность интереса к нарративной проблематике в самых различных дисциплинах. Отмечается, что особую роль сыграло литературоведение, которое на основе последних достижений лингвистики стало трактовать сферу литературы как специфическое средство для создания моделей освоения мира, моделей, предоставляющих ориентиры для руководства действиями. Культура с этой позиции стала представлять сеть повествовательных структур и кодов, а рассказанная история, рассказчик, слушающие и ситуация, в которой она рассказывается, оказывались связанными с базовой культурно-исторической структурой.

Демонстрация того, как нарративная логика повествования раскрывается в социо-культурном контексте, осуществляется в работе на примере дискурса истории. В частности, раскрывается тезис нарративистски ориентированных исследователей о том, что исторические нарративы оказываются тесно связанными с литературными артефактами и в них обнаруживаются те же структурные характеристики, что при анализе любых повествовательных текстов.

Глава 1.3. – «Спор о референте нарративного дискурса и решение проблемы репрезентации в фактуальном и фикциональном нарративах» – актуализирует проблему репрезентационной способности нарратива, в рамках которой обсуждается и решается вопрос о «реальности» как референте нарративного повествования. Преодоление видимости асимметрии между истинным нарративом и вымышленным на уровне референции позволяет утверждать, что нарративный жанр имеет прямое отношение к структуре человеческого бытия.

В подпараграфе 1.3.1. – «Дихотомия «сюжет/фабула» в решении вопроса о реальности» – делаются следующие выводы. Структурный анализ текстов традиционно разделяет нарративное сообщение на *рассказываемую историю*, отсылающую к событиям до акта повествования о них, и *рассказывающий дискурс* повествователя о этих событиях. Но, данное исследование показывает, что рассказываемая история извлекается из самого же акта повествования. Она содержится в нем в виде *подразумеваемой истории*, ретроспективно определяемой как предшествующая повествованию. Разделение же на фабулу и сюжет – это лишь структурное деление текста, выходить за рамки которого, в поисках реальных событий, нет надобности. Таким образом, повествовательный текст из сугубо *констативного* регистра (которому он принадлежал традиционно) переводится в регистр *перформативный*, где содержанием высказывания оказывается сам акт высказывания.

В подпараграфе 1.3.2. – «Вымысел и реальность: проблема «серьезного» и «не-серьезного» использования языка в теории речевых актов» – обсуждение проблемы реальности переносится в сферу логики, где любое высказывание определяется как истинное или ложное по отношению к референции этого высказывания. С учетом новых тенденций в области философии языка делается заключение о том, что определение «ценности истины» значительно расширяется, что в свою очередь указывает на всю сложность и неоднозначность классической оппозиции «истинное/ложное». Современная философия языка стала терпимее к существующим языковым практикам. Отсюда и ее новый интерес к возможным или

фикциональным мирам, возникающим благодаря языковой игре. В рамках этого поворота теория референции в литературе получает новые интерпретации. Иными словами, референция работает и в фикциональных мирах постольку, поскольку они остаются со-возможными с реальным миром. Фикциональный же персонаж – это такой индивид, который мог бы существовать при ином положении дел, а его действия и события с ним происходящие вполне возможны, и значит, имеют определенную ценность и значимость.

С другой стороны, на основе спора Ж. Деррида с Дж. Остином и Д. Сёрлом, показано, что цитируемость (не-серьезность) принадлежит к сущности каждого конвенционально произведенного (а значит, перформативного) высказывания, которое может быть воспроизведено. Это означает, что фиктивный характер не только символически, но изначально присущ любой конвенции, позволяющей повторение образцовых актов. Таким образом, не-серьезное не может более исключаться из обыденной речи, как этого хотел Дж. Остин. Вымысел всегда будет присутствовать в молчаливом дополнении к «нормальности» общего состояния мира, так же как и цитируемость внутренне присуща перформативному высказыванию.

В подпараграфе 1.3.3. – «Вымышленность как необходимый компонент конструирования и репрезентации реальности» – еще раз подчеркивается, что противопоставления литературы и истории (как вымысла и реальности), более не очевидны ни в вопросе, касающемся их референта, ни в плане их репрезентативной способности. Тем самым литература и история предстают двумя видами повествования, со своей особой спецификой, но подчиненными общим правилам, кодам, конвенциям, функциям, структурам языка/текста/нарратива. Признание факта их родства предполагает наличие некоей общей для них модели, что является следствием универсальности повествовательности как таковой.

Таким образом, выявление нарративной структуры бытия человека позволяет переместить концепты нарратива, игры, «следа» из текста в социум, а культурное пространство – внутрь пространства текста, где индивиды оказываются пойманными в сети знаковых кодов и игры различий. Но в то же время, особо подчеркивается, что общественные отношения не просто функционируют по законам текста, но и выстроены на их основе и имеют тем самым нарративную природу.

В параграфе 1.4. – «Облик социального пространства в контексте нарративной онтологии» – получает свое подтверждение положение о том, что социальное пространство можно рассматривать как часть нарративной онтологии вообще. Демонстрируется, как нарративная структура проявляет себя на уровне общественного устройства и раскрывается в оформлении социальных связей.

Подпараграф 1.4.1. – «Нарративный характер конструирования персональной идентичности» – посвящен рассмотрению различных образов «Я-идентичности», с целью показать, что все они неразрывно связаны с языковыми практиками, используемыми людьми в обыденной жизни для придания смысла своим и чужим действиям и поступкам. Для этого основное внимание акцентируется на лингвистических или «социально-конструкционистских» подходах, а также некоторых аспектах дискурсивной психологии. На основе анализа данных концепций делается вывод, что выстраивание индивидом образа своего Я имеет нарративный характер, и что внутри культурно-исторического нарратива основными задачами субъекта становятся нормирование сюжетов самовыражения и доведение собственного нарративно-дискурсивного позиционирования до культурного эталона.

В подпараграфе 1.4.2. – «Прагматическая функция нарратива в системе социального взаимодействия» – представлены такие нарративные *сюжетные* формы как стабильность, прогрессивность, регрессивность, применяемые обществом для создания или описания определенной ситуации или действия. Это является примером того, что нарративная форма, выработанная в ходе развития культуры, предполагает не только внутреннюю наррацию каждого отдельного индивида, но и опосредующий ее опыт межличностных отношений. Таким образом, роль субъекта повествования сводится к лавированию между текстуальными кодами и нарративными инстанциями.

Данные выводы позволяют сформулировать следующую дилемму: либо мы говорим, что субъект есть тот, кто исполняет роль автора своей истории, и сам выстраивает свою идентичность в соответствие со своими целями и интересами, либо же он является героем (главным или же второстепенным, хорошо или плохо прописанным персонажем) уже сложившейся культурной истории.

В главе 2 – «Структура нарративных инстанций и распределение субъектных позиций» – проводится анализ уровней повествования с целью представления социальной структуры как структуры нарративных инстанций и нарративных единиц так, чтобы среди них стало возможным обнаружить новую модель субъективности.

В параграфе 2.1. – «Функции и статус персонажей в структуре нарратива: актантные модели и их трансформация» – для определения места и статуса субъекта в социуме используется типология действующих лиц, формализованная в актантной схеме А.-Ж. Греймаса. В опоре на его исследование

делается вывод, что субъект как персонаж оказывается изначально подчиненным внутренней структуре повествования. Он обязан занимать предписанную ему позицию, в соответствии с которой получает свое определение, становясь тем самым актантами моделью. Тем не менее, такая репрезентационная модель идентичности хотя функционально оправдана и даже наделена способностью к трансформации, но не содержит в себе потенциала к творческой активности, необходимой для осуществления субъективности. Данные практики конструирования моделей живут потому, что они выполняют важные социальные функции или способствуют воспроизводству определенного типа общества.

Таким образом, персонажи относятся к уровню референции, то есть, уровню того, о чем рассказывается в истории. Следовательно, они становятся зависимыми, с одной стороны, от сюжетной линии рассказа, с другой стороны, от намерения говорящего включать или не включать того или иного персонажа или связанное с ним событие или действие в свое повествование. Этот план повествования, касающийся изложения истории, ее оформления, акта повествования и выбора его жанра, выводит нас на такой коммуникативный уровень нарратива, который включает в себя субъектные позиции рассказчика и слушателя.

В параграфе 2.2. – «Соотношение автора и нарратора в повествовательном дискурсе» – прослеживается взаимосвязь и корреляция понятий авторства и субъективности. Исходной предпосылкой является утверждение, что изменение угла зрения на концепцию классического понимания субъекта повлекло за собой изменение в концепции авторства. На основе этого делается предположение, что, эксплицировав характеристики и дефиниции, приписываемые автору сегодня, можно обозначить ситуацию, в которой пребывает сегодня субъект, и выявить перспективы для его нового определения.

В подпараграфе 2.2.1. – «Проблема «смерти автора» и разоблачение «интенциональной иллюзии»» – устанавливается, что критика и устранение концепта авторства в традиции постструктурализма и деконструктивизма проводится в двух направлениях: от него избавились, с одной стороны, как от *реальной личности*, стоящей за текстом и вне него, а с другой стороны, от его *предполагаемых интенций*, помещенных в самом тексте.

Авторская воля и его намерение более не принимается как основное условие для понимания текста, а само значение произведения не исчерпывается авторской интенцией и не эквивалентно ей. И если, исходя из структуралистской точки зрения, сама культура представляет собой некий Текст, в который все тексты входят как его составляющие, то никто - ни автор, ни читатель - не в состоянии взять такой Текст под контроль, делить его на сферы влияния и обладать им. Единственное, что мы можем проследить, так это некоторую концентрацию смысла, который сгущается вокруг определенной фигуры текста или повествовательной инстанции.

В подпараграфе 2.2.2. – «Экспликация знаков нарратора в произведении» – рассмотрена такая фигура, как нарратор. Обосновывается потребность в выявлении подобной «персоны», а также выделяются основные характеристики, позволяющие отличать ее от автора и от других действующих лиц повествования: аудитории и персонажей.

Бесспорно то, что любой текст всегда содержит в себе какое-то число знаков, отсылающих к автору. И такие знаки хорошо известны грамматикам – это личные местоимения, наречия времени и места, спряжение глаголов. Нарратология определяет эти многочисленные метки «я» как разнообразные проявлениями рассказчика или нарратора. В рассказываемой истории нарратор часто оказывается исполнителем роли квази-героя – проекции автора на кого-либо из героев. Нарратор обычно разделяет часть авторского отношения к событиям, о которых повествует, но не предполагает отсылки к источнику повествования. Поэтому он никогда не является автором, а остается фигурой сотворенной и принадлежащей исключительно самой структуре произведения.

В подпараграфе 2.2.3. – «Определение концепта «авторская функция» и позиция «подразумеваемого автора»» – рассмотрена позиция М. Фуко по поводу фигуры автора, где вместо его окончательного уничтожения, данное понятие переосмысливается и предстает в новом контексте. В качестве дефиниции Фуко предлагает использовать понятие «функция-автор». Функция-автор - это не указание на реального субъекта, стоящего *вне* или *до* дискурса и его производящего. Это сконструированный на основе пересечения дискурсов *образ подразумеваемого автора*. Поэтому на основе тезиса о текстуальной природе реальности и ее нарративной конструкции делается вывод об отсутствии надобности разграничения таких нарративных инстанций, как реальный и подразумеваемый автор, так как в конечном итоге они совпадают, представляя собой одну и ту же репрезентативную модель. Другими словами, внутри произведения вообще не требуется существование такой персоны, как реальный автор, а вне произведения мы либо говорим о Тексте, который безразличен к любому авторству и иерархии, либо конструируем функцию-автора как место пересечения различных текстовых плоскостей.

В параграфе 2.3. – «Функция адресата нарративных сообщений и определение читательской позиции» – эксплицируется место читателя с позиций структурно-семиотического и герменевтического направлений, определяется его место и роль в осуществлении внутритекстовых коммуникаций и повествовательной традиции культуры в целом.

В подпараграфе 2.3.1. – «Теория читательской реакции: рецепция и интерпретация» – рассматриваются феноменологический и герменевтический подходы в области литературной критики, акцентирующие внимание на свободном чтении. Но в результате оказывается, что свобода, которая признается за читателем, фактически ограничивается точками *недоопределенности* текста (понятие введенное Ингарденом). На основе этого представления В. Изер разработал концепцию «пустых мест», согласно которой повествуемое (репрезентируемое в тексте) представляет собой некоторую сумму «текстуальных стратегий» или «схематизированных взглядов». Поэтому единственное проявление читательской свободы воплощается в выборе: либо соответствовать роли «имплицитного» читателя (помещенного внутрь текста «абстрактного» «образцового», «идеального» читателя, то есть вписанную в текст позицию), либо вовсе отказаться читать. Тем самым компетенция читателя сводится к комплексу конвенций, системе норм, характеризующих собой конкретно-исторические поколения. Потому рецептивную эстетику нередко обвиняют в том, что она незаметно восстанавливает автора, как норму, определяющую место «игровой площадки» для читателя. С другой стороны, приоритет читателя создает столько же проблем, как прежде приоритет автора и текста, и поэтому также ведет к его «гибели».

В подпараграфе 3.2.2. – «Нарративная модель адресата и знаки наррататора» – раскрывается позиция структуралистов в отношении фигуры читателя. Обобщив их точку зрения, можно сказать, что читатель есть теоретический конструкт, имплицитный или зашифрованный в тексте, репрезентативная интеграция фактов, интерпретативный модус, привлеченный в текст самим же текстом. Как и большинство внутритекстовых повествовательных инстанций, наррататор является переменной и трансформирующейся величиной, способной в зависимости от техники и приемов повествования приобретать различную форму и степень повествовательной активности.

Таким образом, все модели нарративной идентичности, будь то автор/нарратор, герой/актор или же читатель/наррататор – представляют собой лишь конструкции и подчинены создавшей их структуре. Если переместить данный подход в сферу анализа социального пространства, то становится очевидной тотальная сконструированность и предопределенность субъекта социальным нарративом, а также его субординированность по отношению к властной структуре.

Но остается неоспоримым тот факт, что именно *читатель*, хотя и является нарративной конструкцией, оказывается тем, на кого ориентируются послания социума и культуры. От его реакции зависит успешность или неудача посылаемых сообщений. И потому, роль читателя не может быть столь однозначно программируема, а его позиция даже оказывается в большей степени решающей в определении значимости и особенностей функционирования культурного, социального, исторического текста.

В главе 3 – «Новое определение субъекта» – вновь поднимается проблема определения границы между подчиненностью структуре и свободой интерпретацией текста. Предлагается вариант прочтения социального нарратива, в котором ставится под вопрос целостность и замкнутость его структуры. Результатом такой незавершенности структуры становится появление нового субъекта и возможность его творческой деятельности, направленной на сопротивление власти нарратива.

Параграфы 3.1. – «Идеологическая функция нарратива: идентичность как идеологический конструкт» и 3.2. – ««Амбивалентность» письма: нарушение коммуникации и распад нарративной идентичности» тесно связаны между собой. В них рассматриваются два возможных варианта прочтения социального нарратива. Он может быть прочитан как связное повествование, телеологически, этически и аксиологически организованное, что превращает его в идеологему, «верховный миф» как явно выраженное присутствие тотального контекста. Тогда читателю отводится роль повествовательной модели «имплицитного читателя», экспектации, которого контролируются и корректируются структурой. В рамках иного видения текст в самом процессе прочтения обретает способность рассыпаться на множество голосов. В таком виде он оказывается не узаконенной структурой норм и отклонений от них, не нарративным Законом, но целой перспективой с отступающим горизонтом. У него нет начала, он обратим. Прочитывать такой текст значит принять его как воплощенную множественность и различенность. И сам читатель предстает как текст, сливается с обрывками чужих (своих?) речей, голосов из других (собственных?) текстов и кодов. Уже нельзя определить, кто читает, кто пишет – инстанции нестабильны, не фиксируемы, не обнаружимы.

И в том, и в другом случае читатель как субъект не различим: либо он находится в постоянной зависимости от властной структуры нарратива как закрытого произведения, либо же он сам предстает как

множественность и открытость текстов, бесконечных, или утративших следы собственного происхождения. Но, тем не менее, предполагается, что два вида прочтения взаимозависимы, и что решающим и определяющим фактором перехода от замкнутости произведения к бесконечному Тексту является тот, на кого сообщение направлено, то есть адресат. А так как предыдущие определения читателя являлись недостаточными для фиксации подобного перехода; а его подчиненность, с одной стороны, и свобода, с другой, оказывались недостаточно четко прописанными, то возникает необходимость разработки нового подхода к такому феномену, как чтение, и задания нового контекста для фигуры читателя.

В параграфе 3.3. – «Перформативная субъективность versus репрезентативные модели идентичности» – предлагается модель субъективности, основанная на предпосылке об изначальной сконструированности субъекта (subject), что непосредственно коррелирует с вопросом о его подчиненности (subjection). Но с другой стороны доказывается, что субъективация (подчинение) как форма власти сама внутренне парадоксальна. Она с одной стороны, есть процесс субординации по отношению к власти, и одновременно, процесс становления субъектом. На этом основании делается вывод, что единственной моделью субъективности может стать лишь *перформативная модель*, изначально сформированная дискурсом власти, выстроенная и декламируемая на основе набора лингвистических и нарративных конвенций, правил и схем.

Показано, что в отличие от стратегий репрезентации, перформативность состоит в *производстве* и постоянном *воспроизводстве* субъектов дискурсивно-нарративного опыта. Суть в том, что нарративный дискурс власти в своей направленности на субъект (который является пока только допущением) самим актом «оклика» порождает такого субъекта, который теперь призван давать объяснение дискурсу и даже задавать его пределы. До этого акта фигура, к которой обращен дискурс, еще не обрела существование и не является частью верифицируемого объяснения, но сам жест обращения к ней вводит ее в повествование и делает ее своим основанием. Парадокс субъекции включает в себя парадокс референциальности, а именно обращение к тому, что еще не существует. Примечательно здесь то, что сама эта «фигура возвращения к...» или «оборот» представляет собой *оборот речи (дискурса, нарратива)*, что само по себе риторически и перформативно зрелищно.

Порожденный в перформативном акте субъект также представляет собой место двойственности, в которой возникает: он есть и *эффект* предшествующей силы власти, и *условие возможности* для радикально обусловленной формы деятельности

В параграфе 3.4. – «Переосмысление концептов власти и сопротивления: проблема «неразрешимости» структуры и решение субъекта» – решается вопрос о статусе такого субъекта. Если это эффект действия властной силы структуры, то становится ли его появление разрушающим для самой системы – ее неудачей, или же субъект – это и есть то условие, которое позволяет системе работать?

Так как сама структура изначально уже содержит внутри себя возможность своего разрушения, а сопротивление ей порождено функционированием аппарата власти, то оно, следовательно, не предстает чем-то внешним по отношению к функционированию самой властной структуры. Скорее сопротивление есть ее собственный продукт или ее собственное следствие. Сама структура производит то, что сама же и запрещает. Появление субъекта, таким образом, раскрывает парадоксальность внутренней сущности нарративного дискурса: потребность быть прочитанным, повторенным и воспроизведенным подрывает внутреннюю логику нарративной структуры, но одновременно является условием ее существования.

В параграфе 3.5. – «Работа читателя: перформативная деятельность и новые репрезентативные политики сопротивления» – утверждается, что перформативная модель субъективности задана в нарративном тексте позицией читателя, а именно позицией имплицитного читателя. Хотя он не обозначен в тексте никакой четкой нарративной фигурой, но присутствует в нем как фигура еще не различенная – фигура оборота текста, открывающая коммуникацию и производящая перформативного субъекта чтения. Читатель оказывается насквозь пронизанным чтением - его суть в этой пронизанности, подчиненности тексту, а суть любого текста в возможности его прочтения. Это *оборот* нарратива на самого себя, расшатывающий границы повествования. Обращаясь к субъекту, нарратив его производит, чем нарушает собственную целостность и завершенность. Читатель сконструирован структурой, но именно это обстоятельство и задает условие для проявления его творческой деятельности. Перформативность субъекта становится началом для его собственной трансформативности как нормонарушающей деятельности, которая представляет практику сопротивления власти текста.

Но такое сопротивление более не должно претендовать на гегемонию, иначе оно становится установлением новой власти. Это должен быть жест протеста, но протеста в форме активного несопротивления. Способ действия, который предлагается здесь читателю, состоит в репрезентации себя как фигуры «образцового» или «идеального» читателя. Это стремительный оборот на «клик» власти. В таком случае конечный результат оказывается совершенно противоположным тому, что изначально

предполагалось: активное не-сопротивление обнажает изначальную неразрешимость, незавершенность структуры как таковой и открывает отсутствие какой бы то ни было однозначной и образцовой модели прочтения социального текста.

Таким образом, новая трактовка субъекта позволяет с одной стороны определить его как постоянную возможность процесса ресигнификации, тормозимого и перенаправляемого всевозможными видами дискурса и механизмами властных нарративных практик. Но, с другой стороны, такой субъект сам становится условием возможности деконструкции властной структуры, которая его конституирует.

В **Заключении** диссертационной работы подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы в дальнейшей разработке темы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Агафонова Е.В. Эстетизация действительности как современная культурная стратегия // Дефиниции культуры: Сборник трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. Вып. 5 - (417с.). С.38-43
2. Агафонова Е.В. Смерть автора – незавершенный проект // Актуальные проблемы социальных и гуманитарных наук: сборник статей молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. - (169с.). С. 6-9.
3. Агафонова Е.В. Креативность воображения и когнитивная роль вымысла // Труды Всероссийского философского семинара молодых ученых им. П.В. Копнина. Сессия 1. - Томск: ТГУ, 2002 - (292 с.). С. 40-44.
4. Агафонова Е.В. Постмодернистская специфика апокалиптического дискурса // Картина мира: модели, методы, концепты. Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых “Картина мира: язык, философия, наука”. 1-3 ноября 2001. - Томск, Издание ТГУ, 2002. - (360 с). С. 278-281.
5. Сыров В.Н., Агафонова Е.В. Перспективы толерантности в ситуации постмодерна // Образы толерантного мышления. Вторые Кузбасские философские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции 15-16 мая 2002 г. - Кемерово: ИНТ, 2002. Т.1. - (178 с.) С.149-151.
6. Агафонова Е.В. Статус нарратива в современном социальном пространстве // Актуальные проблемы социальных наук. Материалы 4 региональной межвузовской конференции молодых ученых. 19-20 апреля 2002 г. – Томск: Издание Том. ун-та, 2003. – (244). С. 3-7.
7. Агафонова Е.В. Мода как принцип построения репрезентационных моделей человека // Образ человека в картине мира. Сборник статей на основе Всероссийской гуманитарной научной конференции. – Новосибирск: Новое книжное издательство, 2003.-(316). С. 80-85.
8. Агафонова Е.В. Нарратив как форма самоорганизации идентичности в рамках социально приемлемых схем // Творческое наследие Г.Г. Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект): Г.Г.Шпет / Comprehensio. Четвертые шпетовские чтения. - Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – (596). С. 438-444.
9. Агафонова Е.В. Культурные коннотации и возможности их прочтения: рецепция и интерпретация // Дефиниции культуры: Сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – (210). С. 25-30.
10. Агафонова Е.В. Перспективы герменевтики и новые горизонты интерпретации в нарративно-дискурсивном пространстве реальности // Бытие и язык. Сборник статей «Бытие и язык» составлен на материалах международной конференции. – Новосибирск: Новое книжное издательство, 2004. – (448). С. 44-50.
11. Агафонова Е.В. Специфика репрезентации автора в постмодернистской литературе // Культура и коммуникация: глобальные и локальные измерения / Под общей редакцией Ю.В.Петрова. – Томск: Изд-во НЛТ, 2004. – 400с. (серия «Монография»); Вып. 7. С.352-359.